

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Э. Б. Куприянычева

Особенности политической элиты Самарской области

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1999_3_Kupriyanicheva.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Э.Б. Куприянычева

Актуальность изучения региональных политических элит 1990-х годов во многом обусловлена набирающими скорость процессами регионализации, характерными для многонациональных государств с неравномерно развивающимися регионами. Экономическая нестабильность и кризис власти неизбежно активизируют эти процессы.

В нашей стране проблема регионализации обладает особой спецификой. Российские регионы — своего рода государства в государстве, функционирование которых зависит от опыта и других характеристик элит (политической элиты, в частности). В данный период Россия нуждается в сильных регионах, которые бы явились опорой для федерального центра. Особое значение в связи с этим приобретают так называемые договорные субъекты РФ (к ним относится и Самарская область), которым федеральный центр делегирует часть своих функций и полномочий. Возникает вопрос: смогут ли политические элиты регионов справиться с новыми задачами и новой ролью в российской политике? Это зависит во многом от качественных и структурных характеристик политических элит, от степени их обновления.

Региональные политические элиты — явление новое для России, где их самостоятельное становление началось с распадом Советского Союза, поэтому теоретическая база для их изучения еще очень слаба. В период оформления региональных элит начали появляться и первые исследования по проблемам региональной политической элиты и ее взаимоотношений с федеральным центром (см., напр.: 1). В 1994 г., когда особенно актуальными стали вопросы статусного неравенства национальных республик и “русских” областей, неравномерного развития регионов России в целом, отечественными специалистами были предприняты попытки типологизации региональных элит в за-

висимости от уровня развития промышленности, культурного и образовательного потенциала, темпов проведения реформ, приоритетов социальной и экономической политики региона (см.: 2). Появились довольно удачные описания структур региональных элит, а отношения между исполнительной и представительной ветвями власти в субъектах РФ рассматривались как отражение на региональном уровне кризиса федеральной власти (например, в работах Н.Лапиной, М.Афанасьева, О.Гамана, О.Сенатовой, А.Касимова, С.Рыженкова).

До выборов Президента 1996 г. социологи исследовали по преимуществу “показательные” регионы, так называемые экспериментальные лаборатории (в частности, Нижегородскую область), в которых проходила апробация инноваций, моделей активного вхождения в рынок (3). Однако противостояние власти и оппозиции, остро проявившееся в ходе выборов, когда значительная часть российских регионов проголосовала против представителей существующей центральной власти, побудило аналитиков более пристально рассмотреть элиты регионов “красного пояса” (в этом отношении интересны работы Н.Лапиной, О.Куценко, В.Шубкина, С.Барзилова, А.Чернышова, А.Афанасьева).

Несмотря на рост интереса к региональной проблематике многие особенности политических элит субъектов РФ остаются недостаточно изученными. Это обусловлено в первую очередь тем, что большинство изысканий, проводимых на базе отдельных регионов, исключают возможность компаративистики. Те же исследования, которые претендуют на сравнительный контекст, как правило, осуществляются без учета местной специфики, а в выборку включаются только 1 — 2 человека из числа первых лиц региона (4).

Поэтому, на мой взгляд, основные задачи российской элитологии сегодня — не только определение границ объекта исследования и описание его основных характеристик, но и разработка прин-

ципально нового инструментария, отражающего как специфику российской региональной политической элиты, так и обновление вариантов интерпретации результатов ее анализа. Непременное условие глубокого рассмотрения объекта — это комплексный подход к его изучению с учетом исторических условий его формирования и особенностей системы, составной частью которой он является.

Можно выделить некоторые черты, исторически присущие российской политической элите, свойственные и современной региональной элите:

— преимущественное использование неформальных каналов лоббирования как наиболее эффективных для влияния на процесс принятия политических решений (5; 6, с.55-65);

— закрытость элиты для новых членов, ее самозамкнутость (7);

— довольно высокая степень обновления (или — иллюзии обновления) “наверху” и относительно низкая — “внизу”, на нижнем уровне элиты; отсюда — большой консерватизм и преемственность элит в регионах, чем в центре (6);

— для пополнения политическая элита использует главным образом неформальные каналы рекрутирования, т.е. ее обновление осуществляется преимущественно за счет элитарного резерва (8; 9).

Современный этап развития российской политической элиты характеризуют и другие тенденции: наличие номенклатурных истоков (6; 9); усиление исполнительной вертикали (2); срастание экономической и политической элит в регионе (6; 9, с.54-58), которое прослеживаются и на региональном уровне, правда, с некоторыми отличиями, обусловленными местной спецификой.

В качестве иллюстрации я предложила бы рассмотреть особенности современной политической элиты Самарской области. Основной ее “костяк” был сформирован в 1991 г. в результате компромисса между прагматически настроенной частью советской номенклатуры, демократами и представителями влиятельных экономических структур. В целом политическую элиту области отличает прагматизм, а разногласия между отдельными ее группами носят, скорее, конъюнктурный характер — относительно высокий уровень жизни в

Самарском регионе препятствует развитию и усилению здесь реальной оппозиции. О консолидированности политической элиты этого субъекта РФ может свидетельствовать как отсутствие серьезных противоречий между губернской Думой и областной администрацией, так и относительная экономическая и политическая стабильность в регионе.

В апреле-мае 1998 г. автор настоящего материала провела анализ политической элиты Самарской области, выявивший некоторые ее особенности. Для определения объекта исследования использовался функциональный подход, при котором главным критерием принадлежности к политической элите было влияние на принятие политических же решений. Другие критерии — личностные качества, поддержка масс, принадлежность к группам интересов, высокое должностное положение и т.д. — рассматривались либо как средства для осуществления влияния на процесс принятия политических решений, либо как следствия принадлежности к элитарной группе. Таким образом местная политическая элита в данном исследовании была определена как *группа лиц, участвующих в выработке, принятии политических решений или влияющих на процесс их реализации на уровне региона*.

Сбор и обработка материалов производились с учетом трудностей, которые отмечаются большинством отечественных элитологов (6; 7, с.52-62): во-первых, структурная “рыхлость” элиты и нечеткость границ между отдельными ее группами; во-вторых, неформальные отношения, пронизывающие региональную политическую элиту, во многом определяют влияние каждого ее представителя, которое вследствие этого не всегда соответствует его формальному статусу. В результате перед исследователем предстает лишь видимая часть “айсберга”, а глубинный, наиболее “характерный” слой элиты остается неизученным. Поэтому для получения максимально достоверной картины необходимо сочетание позиционного и функционального подходов к изучению элиты, представленным, соответственно, двумя методами: экспертным опросом (10) и анализом биографических данных действующих политиков (11). Таким образом, информация, собранная одним методом,

дополнялась и перепроверялась с помощью другого*.

В ходе исследования были освещены следующие характеристики региональной политической элиты: условия элитообразования в Самарской области; ее социальные истоки; расстановка сил в регионе; качества, необходимые, по мнению экспертов, для продвижения в политэлиту.

Основная часть политической элиты Самарской области представлена двумя возрастными группами: 40 – 49 лет (60%) и 50 – 59 лет (26%), причем самой “молодой” является группа депутатов. В ней относительно немного лиц 50 лет и старше (24%) и больше, чем в других группах, процент политиков моложе 40 лет (16%); таким образом, наиболее “открытой” для молодых кадров является депутатская группа. Региональная элита, сформировавшаяся к настоящему времени в Самарской области, пополнялась в основном за счет местной “глубинки”: 60% составляют уроженцы деревень, 22% – выходцы из малых городов и только 18% – из областных центров.

За счет каких же качеств и ресурсов провинциалы смогли продвинуться в политическую элиту? Анализ результатов экспертного опроса показал, что наиболее важны для этого продвижения личностные и волевые качества, организаторские способности человека. Однако, как отмечают эксперты, они мало чего стоят без связей и поддержки экономических структур. Оценку критериев рекрутирования в политическую элиту Самарской области, данную аналитиками, интересно сравнить с аналогичными критериями подбора советской элиты (7; 12), решающими среди которых были “исполнительность” и “отношения личной преданности и покровительство”. Сейчас данные критерии занимают только третье место, а

определяющими стали личностные качества политика и поддержка экономических структур. Изменение критериев рекрутирования в политическую элиту, выявленное в ходе исследования, можно объяснить тем, что переход от социализма к демократии и рыночным отношениям обусловил потребность как государства, так и составляющих его регионов в инициативных и предприимчивых людях, а также возрастание значимости экономического капитала.

А вот поддержку широких масс населения как фактор продвижения в элиту эксперты оценивают невысоко. Это можно объяснить двумя причинами: аполитичностью и инертностью населения области и уверенностью экспертов в том, что общественным мнением можно легко манипулировать при помощи СМИ и финансовых средств. Некоторые эксперты обратили внимание на такой фактор укрепления положения в элите, как распространенность межсемейных связей (например, межклановых и межэлитных браков). Так в изучаемом регионе проявляется тенденция к срастанию экономической и политической элит, что подтверждается не только высоким процентом представителей экономических структур Самарской области в Губдуме (40% депутатского состава), но и их позициями в рейтинге влияния на принятие политических решений, составленном по оценкам экспертов (13).

Анализ биографий членов политической элиты Самарской области позволил выявить ее основные истоки. В основном это – бывшие хозяйственники и представители советской и партийной номенклатуры: 84% представителей нынешних политико-элитарных кругов нашего региона имеют номенклатурный опыт работы**. В этой среде широко распространены неформальные отношения (например, однокашников), что дает основание предположить, что “капитал” связей оказался немаловажным фактором продвижения в новую политическую элиту Самарской области.

Значимым показателем инновационного потенциала и социальной ориентированности политической элиты Самарской области является повышение доли ее представителей с высшим гуманитарным образованием. По мнению автора, характерное для советской правящей элиты преобладание в ней

* Отбор экспертов осуществлялся методом “снежного кома”, в результате чего были определены “внешние” и “внутренние” эксперты. К “внешним” экспертам были отнесены 6 представителей областной администрации и 4 депутата Губдумы; к внутренним – 5 журналистов, занимающихся вопросами политики, и 6 специалистов-политологов. Анализом биографических данных были охвачены группы элиты, непосредственно включенные в политический процесс: представители администрации Самарской области (губернатор и его заместители); главы местного самоуправления; депутаты Губдумы.

** По данным Института социологии РАН, среднестатистическая норма по России – 83%.

лиц с высшим техническим образованием было следствием технократического подхода к управлению государством. Сегодня около 50% членов политической элиты Самарской области имеют высшее техническое образование, около 30% — сельскохозяйственное (главным образом, главы администраций районов). Очевидно, что в настоящее время для управления крупным регионом, включенным в российскую политику, технического образования явно недостаточно. Региональная политическая элита у всех на виду, в ней идет конкуренция, вследствие чего ее члены вынуждены подтверждать свое право на власть гуманитарным образованием (14), поэтому многие из них получили второе высшее образование — главным образом, юридическое или экономическое.

Результаты анализа биографий представителей политической элиты Самарской области демонстрируют тенденцию к своеобразной “закупорке” каналов рекрутирования региональной элиты. Так, с 1986 по 1990 гг. в элиту этого субъекта РФ вошли около 20% ее нынешнего состава, с 1991 по 1993 гг. — 10%, а с 1994 по 1997 гг. — всего 5% новых членов. Принимая во внимание тот факт, что представители современной политической элиты стараются не демонстрировать принадлежность к советской номенклатуре в своих биогра-

фиях, в данном случае можно говорить не о временной открытости элиты для вхождения в ее среду новых членов, а о *движении номенклатурных кадров внутри элиты* (6), обеспеченном во многом благодаря “революции заместителей”.

Учитывая все перечисленные особенности политической элиты Самарской области, можно указать и на две основных тенденции в ее поведении: во-первых, относительный консерватизм и патриархальность, обусловившие преемственность; во-вторых, мобильность и конъюнктурность членов элиты, которые обеспечили относительно безболезненный процесс конвертации “капитала” связей, переход к новым экономическим отношениям, способность к компромиссу и одновременно агрессивность в отстаивании своих позиций. Эти тенденции определили специфику формулы правления самарской региональной элиты, сочетающей преемственность и инновационность, которые на практике выражаются в маневрировании между конъюнктурным поведением в отношении федерального центра и политикой популизма — относительно населения региона. Таким образом, политическая элита Самарской области представляет собой *комбинированный, смешанный тип*, что, вероятно, и помогает ей сохранять относительную стабильность региона в новых экономических и политических условиях.

1. Сенатова О., Касимов А., Гельман В., Рьженков С. Субъекты и факторы политики в Поволжье. — “Земство”, 1994, № 4, с.12-25.
2. См., напр.: Лапина Н. *Региональные элиты России*. М., 1997.
3. Магомедов А.К. Политическая элита российской провинции. — “МЭиМО”, 1995, № 5, с.72-79.
4. Петров Н.П. Политические элиты в центре и на местах. — *Российский монитор: архив современной политики*. Вып. 5. М., ИНДЕМ, 1995.
5. Озерная М. Российская демократия как перпетуум-мобиле реформ. — *Куда идет Россия?* М., 1995, с.358-363.
6. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. — “*Общественные науки и современность*”, 1995, № 1.
7. Афанасьев М. *Правящие элиты и государственность посттоталитарной России*. М.-Воронеж, 1996.
8. Головачев Б., Косова Л. Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету. — “*Социологические исследования*”, 1996, № 1, с.45-51.
9. Мясников О.Г. Смена правящих элит: “консолидация” или “вечная схватка”? — “*Полис*”, 1993, № 1.
10. Розин Б.Б. Использование методов многомерной классификации при анализе результатов экспертного опроса. — *Статистические методы анализа экспертных оценок*. М., 1997, с.83-95.
11. *Математико-статистические методы анализа и интерпретация данных в социологических исследованиях*. М., 1980.
12. Восленский М. *Номенклатура*. М., 1991.
13. Рейтинг ведущих политиков: откуда берется влияние. — “*Самарское обозрение*”, 1998, № 24 (115), с.4-5.
14. Balazs Vedres: “Econocratic” manager — elite — The Winners of the Transformation (the changing value of the economic and technical qualification of the business elite). Paper to be presented at the workshop “*Changing elites and changing rules of the game*”. Budapest, 1997, 25 — 27 April.